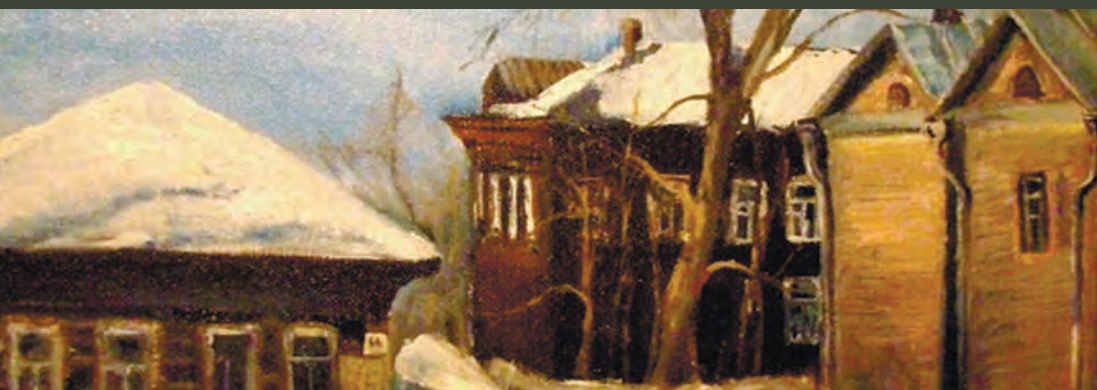

Галина Кшилова

В своём роде

Галина Климова

В своём роде

Москва

«Воймега»

2013

УДК 821.161.1-1 Климова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К49

Дизайн серии: Сергей Труханов

Г. Климова
К49 В своём роде — М.: Воймега, 2013. — 56 с.

ISBN 978-5-7640-0141-8

Книга выпущена при поддержке Алексея Коровина.

© Г. Климова, текст, 2013
© «Воймега», 2013

*Какие отчизны бездомны, бездетны какие дома?
Где гнёзда крепки лишь тоской родового напева?
Кто — сверстники капли,
и камня,
и райского древа?
Кто — сёстры и братья единого щедрого чрева?
Сиротскою стала зима.*

Мой папа — Даниель

При понятых:
аккомпаниатор, уборщица и канарейка —
в актовом зале музыкальной школы
мне объяснили, что я — еврейка.
И всё захолонуло от стыда и срама
во мне, нечистой и будто голой,
и зажмурилась рампа,
и захлопнулась рама.

За скрипку не бралась долго,
потому что — еврейка. Всё. Шабаш!

Вот и бабушка,
положив зубы на полку,
бухтела: *все евреи как евреи, а наш?*

По всему выходит, виноват мой отец,
его непроходимо-чёрные союзные брови
и чужестранное — *Даниель?*
И я от горя слегла в постель
с подозрением
на наследственную болезнь крови.

Но это была любовь
без межнационального раскола.

Кружила голову
биографии отцовская школа:
театр «Синяя блуза» и бледный ребе,

худо выросший на маце (если б на хлебе!),
чьи галоши папа прибил к полу...

Где дядя Мориц, певший в Ла Скала?
Где кантор, тёзка царя Соломона,
и прадед Мойша 111 лет, и тринадцать его детей
из местечка Прянички?
Я на карте искала,
в черте оседлости во время оно,
но даже косточек не собрать, хоть убей!

Предпочитая трудящийся дух,
отец из-под палки учился на тройки,
на ветер пустил свой абсолютный слух,
оттрубил лет двадцать прорабом на стройке.
А раньше старлеем штабной разведки
(южанин — всю войну в Заполярье),
рисковый Даня по партизанскому
королевским жестом освободил Данию,
чуть не женившись на местной шведке,
на Лизе-Лотте с острова Борнхольм.
Её фото в день конфирмации —
на поpá ставит весь наш семейный альбом.

Отец не знал языка предков,
законопослушный советский еврей,
он не терпел плохо закрытых дверей,
запаха газа и на тарелке обедков.
Зато знал Гамсуна и даже Блейка,
«Двенадцать» Блока — коронный номер!
К чарльстону, извольте, свежая байка,
а как голосил *тум-балалайка*
его трофейный немецкий «хоннер»!

В переходном возрасте, после 85 годов,
налегке залетев ко мне — ранняя птица, —
в воздух выпалил:

*ну, я готов,
доча, я готов креститься!*

В последнюю пускаясь дорогу,
не дотянул, как пращур его, до 111 лет,
уйдя от товарища Сталина,
приблизясь к Богу,
как будто впервые родился на свет.

К Петру и Павлу

До станции Фрязево никак не доеду
ни на «гецике» борзом, ни на электричке,
хотя надо бы успеть — не для переключки —
к золотым Петру и Павлу
в среду на беседу,
на пороге для подмоги свой настроить глас,
непредвзятого трепеща ответа:
*вы за что убавили светлый час
скоромимошедшего лета?*

Пётр и Павел —
ни попрёка, ни тебе нотации —
разглядели пионерку, что рыдала
и, о маминой молясь диссертации,
Богоматерь в уста целовала.
А на Пасху, не забуду, —
поп, взмахнув кадилом,
попалил мои ресницы-брови-волоса,
точно причастил огнём,
и спасали миром
да ведром воды святой, —
чем не чудеса!

И жива ль ещё могилка в этой местности
Пославской Елизаветы?
У кого б узнать,
не подлеском ли
шумит моя крёстная мать,
учительница русской словесности?

* * *

Только мама
приучала любить оливки,
по-русски — маслины.
В упрямыстве ослином
я бежала этой культурной прививки
за тридевять жарких земель,
в рощи оливковых олеографий,
выстроенных в каре,
где любое древо — библейских плодов колыбель,
на аттестат зрелости сдавшихся в ноябре.

Только мама
почти до зимы
Серой Шейкой плескалась в пруду
и, лыжню проложив ни свет ни заря
вкруг Новоспасского монастыря,
себя не тратила на ерунду.

По цвету лица узнавала гастрит
и разные язвы, колиты, особенно в марте:
*покажите язык, — говорит, —
рельеф как на географической карте...*

И всё кого-то спасала,
учёные книги писала,
так впряглась, так работала на ура,
что рабочая лошадь вышла в профессора.

Но теперь —
ореховой легче скорлупки —
она крутит на чистом пуху головой

наподобие ветхозаветной голубки —
её из ковчега выпустил Ной,
чтоб гулила дочкой моей родной.

А я мычу,
неисправно молчу
до самых азов любви:

*мама, горячая моя точка,
мама, последняя моя отсрочка,
поживи ещё, поживи!*

Покупка

На выход, не на торжество
на премиальные
мы с Петровской под Рождество
в перспективе на вырост
отхватили на ярмарке платьшица погребальные —
Бог не выдаст.
Заботы о ближних премного ради
рассуждали, ничуть не угрюмы:
— *Где ж похоронные для мужиков костюмы?*
А то ведь уйдут,
кто — в цивильном,
а кто — при параде...

Бежим со свёртками,
как со свитками жития,
до самой маковки последней точки.
У Лиды — на убранном поле цветочки,
у меня — бирюзовое из шитья.
И белые тапочки, чем не балетки?
Батистовый белый платок.
Мы обе, сиротской зимы однолетки,
в безвыходный метим поток.

А там поминальным блинком
горел — в убывающей фазе —
луны несъедобный ком,
там бабушка Феня моя с узелком
суровой, на смерть припасённой бязи
в сердцах пеняла мне всякий грех:

— *Горе моё, я нарядней всех,
да только не к месту здесь крепдешины,
нашла в чём старуху спровадить в гроб...*

И, ладонью размазав слезу,
я разборчиво написала сыну:
все причиндалы —
открой гардероб —
и смертное платье моё — внизу.

Перепёлочка

*Федосье Захаровне Калгановой,
моей бабушке,
дочери деревенского скрипача*

...кружева вырезала бумажные,
по праздникам — из фольги,
наряжая, как ёлку, посудную полку,
не жалела на блюдо побольше оборку,
рядками рассаживала пироги.

...выпив стопку, вытирала глаза:
*хватит баклуши бить, егоза,
заводи «Перепёлку»!*

Я нехотя поднимала скрипку
из сна глухого, как из оврага,
поросшего дешёвым сукном,
и, угнездившись перед окном,
где по нотам щебетала бумага,
почти без вранья начинала:
наша перепёлка старенькою стала...

Поймавши слезу на лету, как ошибку,
когда встрепенулся смычок,
рванулась она, и рот — в кулачок,
узнала и звук, и отцовскую скрипку.

Захар из кацапов
(забытый мой прадед),
рукастый в окрестностях мужичок,
скрипичного дела и музыки ради
с чудинкой в лесу приглядел чурбачок
на новую скрипку себе, на свадьбу

(вот бы где петь мне и танцевать бы),
Захар и без скрипки хорош, с бородой,
под мышкой с прабабкой моей молодой.

Плясали, пахали...
Посыпались дети:
Марфа, Улита, Хрисанфий, и Петя,
и Феня — губы сковородой.

Как с пылу с жару гуляла улыбка,
как распалась отцовская скрипка,
в жизнь провожала по свежей стерне,
вдруг надорвавшись на бычьей струне:
ты ж моя, ты ж моя перепёлочка...

Песенка спета. Захарий в раю.
Феня моя у него на подхвате
в тонком певучем размашистом платье —
и я такое себе скрою.

Долго без музыки не видно утра.
Видно, совсем заигралось во сне.
Продана скрипка.
И куплена люстра.
Страшно сказать, по какой цене.

* * *

Умер в 38-м.
И время-то выбрал какое!
На поминках трёхлетнего крестника Юры
мой дед умер от перепоя.

Роман Иваныч Орешкин —
случай стихийной природы.

На спор махнул поллитровку белой,
пока его жёнка пела *со святыми упокой*.
Синий рот синей рукой
подобрал:
— *Возьми меня, Юрка, к себе,*
жутко, поди, одному в червивой избе...

Дополз до дивана,
ткнулся в подушку лицом,
захрипел.
Дочь когда пришла за отцом,
тот не дышал.

И крики, и слёзы разом.
Схоронили с маленьким крестником рядом.
Лохматая ёлка меж ними росла,
и ландышам в мае здесь несть числа.

Я прихожу к нему снова и снова,
к Роману Орешкину из-под Венёва,
которого видела только на фото:
там праздник, может быть, воскресенье —

дружки, самовар, и жена его Феня,
и сам он с развесистыми губами,
просвечивающими до нутра глазами
тревожил прожжённую тьму:
тебе, малявке, не по уму...

Феня читала над ним по псалтири,
твердила: *спас от колчаковцев,
вывез нас всех из Сибири.*
Додельным был мужиком,
с шести утра — горячий красильный цех,
потом сапожничал наш золотой орех
да жёнку по снегу гонял босиком,
чтоб выла и била в дверь кулаком:
— За что любить тебя?

А не любить — грех.

На глазах у соседей — не лишь бы —
«за отличное поведение» Анины лыжи
сжёг ещё в классе шестом
и Сонин портфель «за успехи»,
самодур запьянцовский,
топором изрубил для потехи:
*— Хватит учиться, умницы,
вам в ткачихи пора или в шпильницы.*

Умер в 38-м.
И было ему невдомёк,
что скоро Соня станет врачом
и Анёк-огонёк, младшая дочь,
очень известным станет врачом,
но обе не в силах отцу помочь.

* * *

Откуда здесь эти птицы голодные,
сплошь блатные, то бишь болотные?

В белых спецовках,
похожих на майки,
в месте соития с Минкой Можайки,
на 73-м км
вылетают на встречу навстречу зиме
болотные чахлые чайки.

Усердные мусорщики, мигранты,
улитки обеденной ради
чистят кочки, встают на пуанты
среди камыша, осоки и манника,
взлетают петардами, как на параде
в день военно-морского праздника.

Как не узнать их в гнездовом уборе —
сухие чайнки в воздухе оголтелом
не чают уже — наступит ли море,
будь оно Чёрным, а хоть бы и Белым.

* * *

Клязьма,
щавелевая река,
зелёных щей с верхом тарелка,
варёное солнце крутого желтка
нарублено мелко.

Досыта,
щавелевая река,
оскома сводила твои берега:
и высокий, он всегда — правый,
а на левом зато — заливные луга,
левые цветы и травы.

Когда тебе не больше десяти,
на коровий брод не след набрести
и первопроходцем вести друзей
в подводный краеведческий музей,
где скользкие троны,
на них — тритоны,
в лучах — лягушачьи короны
и тонны икры развесной
на стеблях рогоза весной,
грозящего расцвести.

Нас рыбаки успели спасти.

Географическая номенклатура

Каждый четверг в моём детстве был чистым —
женский день в городской бане:
шайки казённые, краны с присвистом,
мылась и мылилась без колебаний,
пока не разбила пузырьёк с этикеткой *Шипр*.
И — скорей в предбанник,
а там по радио:
оккупирован Кипр.

Вот как аукнулось родство названий.

И наша Соня, *София* — столица где-то,
Феодосия антикой подпирала Крым,
а тётя *Августа* — как завещанье родным —
остров с золотым месторождением лета.

Вот в чём географическая номенклатура,
я по карте узнала:

где гора — там дыра.

И вслепую на контуре нашла фигуру
французского массива *Юра*.

— Это ж Юрка на замшелом разлётся диване,
в европейском ландшафте *свой*,
зарывшись в словарь имён и названий,
демисезонной шуршал листвою.

Севан

Бык на закате спал впригляд,
под боком сны, приёмные, как дети.
Какая ночь прогонит их назад?
Севан волнуется.
Невыносимы сети
у здешних рыбаблей — у всех подряд,
похожих на трудяг в Генисарете.

И в пресноводном море всех армян,
где — ни слезинки, хоть земля болела, —
в бесхозных косяках властительный ишхан
воспитывает розовое тело.

А мне тянуться вверх, к монастырю,
под куполом — грабар,
все побережье — в пене,
дыхание сбивая о ступени,
притиснуться поближе к алтарю,
чтоб вырвалось — я трижды повторю:
помилуй блудную!

И рухну на колени.

В доме Параджанова

Здесь нет икон. Зато алтарь.
И — весь кровосмешенье жанров —
с цветком граната Параджанов
из кадра выйдет — бог и царь.

Здесь между потолком и сердцем
конвойным целится индейцем
наёмный ангел... Но простор
нельзя остановить мгновеньем.
Прощён ореховым вареньем
разбитый бабушкин фарфор.
Переходящее волнами
свернулось на постели знамя
работников культуры Профсоюза —
тяжёлый бархат, золотая нить.
И никого — согреть или укрыть.
А там, в тюрьме, на нарах мёрзла муза,
«мышинным глазом» вытекла звезда,
и ты писал:

я счастлив, что попал сюда.

Фракия

Белле Цоневой

Закрытой музыкой в шкатулке заводной,
эпическим мотивом вольной темы
без мыслей о воде и благодатной тени,
надёжно, как за каменной стеной,
спала долина под июльский зной.
Спала, как все беременные бабы,
в наплыве дурноты, подточена тоской,
прикрывши маревом и ямы, и ухабы,
чтоб до утра утробный свой покой
от сглаза уберечь и зависти людской.

Но мир уже гудел:

брюхатая долина!

И молодой Орфей молитвы пел:

во чреве чудный град!

Все боги ждали сына,
и Стара-Планина, и каждая вершина.
Но родилась — страна.
Каков её удел,
каких она корней, истоков и наречий,
на брань и брашно падкая жена?

Про чёрный день в гробнице междуречий
и тайну золота, и жирный сыр овечий,
о мать Фракия,
оставь нам дотемна.

* * *

В переводе с болгарского *галя* — не имя.
Но глагол и пишется со строчной,
а Вера, Надежда, Любовь с прописной
разгуливают нагими.

Имя Галя изгваждало моё детство,
грезилась *Злата, Земфира, Марго, Эвридика*.

Парнишку, на даче скучавшего по соседству,
ввела в обман изошрённо и дико,
представившись: *Иоланта*, короче — *Ио*,
иностранная, мифическая, золотая...
— «Иоланта» ведь опера!
И ты не слепая.

Родители чуть не назвали *Руфина*
за то, что девочка (ждали сына),
и денежная объявилась в стране реформа,
в созвучии с ней и росла бы Ру-фи-на,
если б не телеграмма от тёти на двух бланках:
...*за синие очи и чёрные волосы назовите Галка*.

Теперь на 8-е марта все, кому не жалко,
жалуют кубики от Gallina Blanca,
хотя во мне ничего однокоренного с курицей,
галатами, галлами и гало,
но кое-что от тишины (повезло),

от милости её и смелости —
ядро молочно-восковой спелости
на вкус, и на слух, и во взгляде.

Галя — болгарский глагол *нежить*,
ласкать, по головке гладить.

* * *

Вдоль берега сна мелькнул летающей рыбой,
которая не умирала.

И я
вдоль другого берега
мелко жила.

Кем я была?
Охотничья чайка,
промысловая камбала,
что по Божьему промыслу себя проспала?

Холодней рыбьей крови на рыбьем меху шубы,
перегорели глаза электроскатов и черепах,
два берега тянут в улыбке сухие губы,
меж ними небо — в голубых черепках.

Апрель

Ярославу

От надрыва фольги — ветерок липкий,
живая музыка почти не подглядывала в ноты,
но жестосердые так и цепляли скрипки
и смычками тянули:
кто ты?

Горько твержу во рту вкус шоколада
и, пока надо мной горит самый верхний свет,
вижу:
стреножив велосипед,
ты выходишь вживую из детского сада
без верхнего зуба,
здорового полон азарта,
в атмосфере московского дворика — акварель.

Как ещё далека безотцовщина чёрного марта,
ещё исподлобья ребячится синий апрель,
и в нём не стихает музыка эта живая,
и едет цигейковым «зайцем»
на 5-м маршруте трамвая,
как главная тема каждого дня.

Слушаю живую музыку,
а она — живую — меня.

* * *

В замшевых шортах баварских мальчишки
галдят по-немецки, хохочут,
старший — задиристый кочет,
а младший — потише.

Бегут два подпaska и гонят по склону
всех яловых, стельных и дойных,
как Зорьку, Бурёнку и Доню...
Альпийские горы к ним благосклонны.

Кому ж отдуваться своими боками?

Не бросив на землю взгляда,
тучнее летучее стадо
справными кучевыми,
парными молочными облаками,
чтоб я по-русски, словами своими
большие дожди сочиняла
и время — тугое тягучее вымя —
слёзы коровьи роняло.

Москва — СПб

Говорят, Москва — большая деревня.
А Питер уже — областной
и на вырост не тянет,
там всё население и даже деревья
себе страдают: *островитяне*.

Москва красна.
Питер — голубых кровей,
и в масть ему горбоносый профиль Растрелли.
В бессоннице северных пресных морей
белые ночи все глаза просмотрели.
Помнишь,
мы звали тебя *Ленинград*,
младший, столичный, наш каменный брат,
по плечу — тяжёлая нельская прядь,
с мостами в тёмном разводе,
и всё же боязно потерять
тот остров в скудеющей русской природе,
куда поэт не пришёл умирать.

И я не приду.
Здесь меж островами,
канавками, речками, рукавами
нет на Смоленском живого места,
хоть жизнь так опасно приблизилась к тексту,
что готова сложиться своими словами.

Декабрьский переулок

Памяти Михаила Письменного

В комнате смеха до стены Плача
дух не перевести, и всё бегом.
Жизнь — безответная задача —
решилась навзничь и молчком.

Ответ приготвила природа:
Декабрьский переулок в адресах.
— Служивый, как тебе на небесах?
В архангелах твой тёзка, воевода —
он с пламенным мечом, с весами и зерцалом,
и ты ему — как *свой* — с глаголом над вокзалом,
над городом, и Клязьмой, и мостом,
тебя узнают сад и отчий дом
сквозь строй готового к нападкам снегопада,
сквозь ангельскую рать.

Родившись в декабре, сподручней умирать
в таком же декабре.
Солнцеворот — награда.
И ты — на глас архангельской трубы —
как день,
прибывающий в нас за труды.

Зимняя песня

Лес не шумел.
Его покоил снег
сугробами с московской барахолки,
глазок дупла,
лыжни двойной разбег
и тропок разносолы, разнотолки.
Здесь лапы колкие при всех
тянули дрессированные ёлки.
Попробуй не ответь!
Из-под смолистых век
стращали кабаны и даже волки.
Я не чуралась их. Я — не чужак.
И тёплым был рукопожаться знак,
почти взаимность в нежности дремучей.

Совсем ручные, бесприютны мы,
все — как один несчастный случай —
в еловых лапах, на краю зимы,
читая по губам: *бесаме мучо!*

Пейзаж с мешками

Мешки целлофановые —
сорт рукодельных цветов
или дешёвые из секонд-хенда наряды —
на грузных деревьях,
на гибких фигурах кустов
трепещут телами — почти дриады.

Воздушные замки из себя состроив,
где фиговым листиком не прикрыться,
приют для продувных героев,
мешки вдруг прикинутся:
мы — птицы, птицы...
Синий — синицей,
розовый — снегирём,
а чёрный мешок — чёрный лебедь Одиллия —
исполнит батман и надуется пузырём,
трудовые порвав сухожилия.

Полощутся на небесных путях —
белый, голубой, красный.
Пейзаж с мешками
одним — пустяк,
другим — отметка жизни несообразной.

* * *

...а сердце по природе приживалка,
по которой плачет коммуналка,
где в многодетной потной тишине
стирали белое бельё при подрастающей луне:
трусы, пелёнки, простыни, сорочки.
Верёвок надорвавшиеся строчки —
и — щёлк! — прищепки по привычке
закрыли свои хищные кавычки.

Не всё изгваздано, хоть звёзды поугасли,
младенцев на прирост уже не носят в ясли,
лишь коммуналки всё растут в цене,
жильцы в рассеянье, как грешники из рая,
и где тот дом, где, рук не покладая,
изжив себя и плача о стране,
при убывающей луне
лишь чёрное бельё стирали.

Ташкентские адреса

1.

Без фальши звериное слышно трезвучие —
петух,
собака,
корова ни свет ни заря —
под небом, с прохладцей затянутым в хан-атлас.

Просыпалась за окнами вслух махалля,
и чай зелёный трижды женили при нас,
и духом курдючным витийствовал утренний плов.
— Кому драгоценные камни за пазухой?
Кому задарма обиды?

Подрублены корни когда-то родственных слов:
тимуровцы были — вчера,
сейчас — тимуриды.

2. ул. Пушкинская

Там, на родине солнца, чего только нет:
нет ни тени твоей,
ни дома с балаханой,
где — из последних жил — соловей
жил и куражился над тишиной.

Ищи-свищи этот адрес!

Но сколько сирот,
растительной памятью притягивающих кислород!

В развороченном небе не всё заживёт до утра.
Убийственная в Ташкенте жара.

* * *

Весь невозвратный выводок глаголов,
рванувших борзо из-под руки,
без отпусков и дармовых отгулов
учил дышать во всю длину строки,
пока луна тянула на лимон
в косноязычной круговерти:
нет у любви ласкательных имён
и уменьшительных — у смерти.

Известно, как секрет военный,
не тронувший детей и тронувшихся баб:
нет уменьшительно-ласкательной Вселенной,
где б жизнь держала слово —
как масштаб.

Трёхголосие

1.

Сергею Надееву

Вот и семейное дерево зацветает:
сплошь междометия на уроке зимы,
а всё казалось, тепла не хватает,
и вроде бы стыдно попросить займы,
ведь ни мне, ни тебе отдавать нечем,
и вдруг — зацветает,
растительный вызревает свет
лепестками,
тычинками,
возгласом человеческим,
только речи о нас ещё нет.

2. Флора Крымская

Владимиру Салимону

В праздничном сари из детской простынки,
в правом ухе серёжка,
сама — босоножка —
кручусь перед ней
с хрипотцой патефонной пластинки,
стараюсь донельзя:

страна родная Индонезия...

Глаза — солёной воды алмазы,
циновка в прихожей — малая сцена.

— Здрасьте, тётя Флора,
богиня Флора с картины Пуссена,
я не сфальшивила ни разу!

Гжельской вазочкой для варенья
до краёв наполнила мой день рожденья
и горло проверила сразу:
тётя Флора — серьёзный врач.

О сыне, о сыне вила свою речь,
всю в лианах —
не общие фразы.

Хотелось ей дочку родить по весне,
ей, Флоре Крымской,
укоренившейся не вполне
в коммуналке,
в резко континентальном сне
с авоськой худого московского лета.

И в сыне своём она угадала поэта.

3.

Андрею Грицману

Обуреваемый прытью и плотью,
не прибит к берегу
и не пришпилен к платью,
ты не строй из себя боевую варяжскую лóдью,
выходя на простор камуфляжной гладью
или рябью —
по Чистым прудам —

стежками,
ты дерзко себя усмиряешь стихами,
на свет выводишь, не зная броду,
на чистую воду, как на природу.
Оттого на Москве такая погода,
и ты ей — ветер
без перевода,
во облацах и во языцах свободный
на все четыре сезона,
двойкодышащий,
земноводный,
ты — русский ветер с Гудзона.

Коктебель

С утра —
варёный рапан в сметане,
мидии с овощами
и даже бычок с верхней рваной губой —
играет с тобой, как гобой,
старыми джазовыми вещами.

Это прибой,
когда жизнь не коло- и не круговорот,
а море чубатых барашков,
на солнце чубарых,
коньков вопросительной глубины,
ночи сгоняющих в табуны,
дни — в отары.

Нет сухопутного выхода за кордон
от Карадага до мыса Хамелеон,
ни маяка, ни голоса,
сам себя правь,
бассом разбрасываясь, идя на спине,
лишь бы явь переплыть и явиться вплавь
там, где Волошин бороду полощет в волне.

* * *

...клавиши Божьи в утробе органа,
тугие, горячие, крепче аркана
тянем в себе нутрянную ноту,
и как на работу — чуть след! — на охоту
за словом, ясным без перевода,
за звуком, крепким во всех языцах,
во всех регистрах красна природа
и темноликое небо в блицах,
когда мы в голос голосом тычем,
бисовы дети, вечные чада,
на человечьем, рыбьем и птичьем,
и просим, и просим — как хлеба —
пощады.

Из цикла «Стихи к Ревичу»

1.

Ночь густа, как чёрный лес
диких маминых волос,
достающих до небес,
мокрых от дождя и слёз.

Луч пролез в дверной проём,
стриж — из-за стрехи.
Детский лепет. Сколько в нём
певчей чепухи!

Мать ушла. И не подать
до неё рукой, —
только б сыну за стихи
вымолить покой.

2.

Ну при чём здесь война?
Просто пёстрое лето,
Страна Девятнадцати Лет.
Было — и нет.

Александр Ревич

...не шёлковый — за версту видать,
в рубашке родившийся воевать,
с породистым бантом на шее,
с прискоком

крапиви потешной саблей срубая,
дѣру давал от злого бабая,
а ночью с портрета напуган Блоком
в космах, как у бабы-яги...
Руки в ноги, беги!
Поднимай рукопашный свой космос,
боец, огурец, шальной оголец,
под огнѣм и в плену 41-го летом,
а потом ползком по Азову зимой,
чтоб, варясь до костей в сталинградском котле,
вынырнуть — как из утробы — поэтом
и раненой волей дышать на земле
с осколком в боку,
со стихами солдата
в составе штрафбата, в самом соку,
в Стране Девятнадцати Лет.

Было — и нет.

Сочинительницы

1.

В меру красного нацедила вина,
луна — один на двоих чебурек.
— Павлова или Ростопчина? —
с аппетитом входила во вкус Таня Бек.

— Додо?

Дворянских кровей сирота,
вместо маменьки — парадная зала,
и слова не пролетит мимо рта,
ей питательна светская суета,
она — жорж-зандистка, царица бала,
на ходу,
за обедом,
в карете
стихи, как исповеди, писала,
карандашик зудел в корсете,
и за один присест,
когда мазурку плясала,
овца словесная,
поэтический выдала манифест
«Как должны писать женщины».

— Стихотворцев мужского пола
перешибла многих.

Московская школа!

— А Павлова?

— Муза, Вера?

— Нет, Каролина.

2. Смерть курсистки

Мы празднуем мою близкую смерть.
Факелом вспыхнула на шляпе эгретка.
Вы улыбнётесь... О, случайный! Поверьте,
Я — только поэтка.

Надежда Львова

Я не был на твоей могиле,
Не осуждай и не ревнуй!

Валерий Брюсов

Наивная зелень глаз,
как с Большой Зеленцовской у всех,
шляпка эмансипе, ласточкино пальто.
Поэтки Наденьки Львовой слёзы и смех
не зарифмует никто.
Муза, подпольщица и королева —
по мнению мэтра, ей уступали
и Марина Иванна, и Анна Андревна,
обе — булатной стали.

Поэтка — трагическая невеста.

Г-н Б. — мэтр, он же — истинный гений жеста,
завёл шуры-муры на широкий манер:
шампань, стихи, охота среди финских шхер,
когда друг на друга ночами ходили и вброд.
Она умоляла: *попроси у жены развод*.

И г-н Б. элегантно — не брюлики, например,
не молитвенник — барышне невдомёк —

преподнёс ей почти игрушечный револьвер
с инкрустацией из перламутра.

Женой он жертвовать не мог.

Наденька в сумерках московского утра:
Вы разлюбили ещё в прошлом апреле,
après, après...
писала письма и жгла в постели,
в мебелирашке в Константинопольском подворье,
пепел в ведре утопив, как в море.

А у мэтра — журналы, журфиксы, артистки...

И Наденька честно —
в духе максималистки —
застрелилась под вой метели.

Её оплакали, но не отпели.
В газетах курсивом — *«Смерть курсистки»*.
Г-н Б. удрал в Питер. Его сожалели.

3.

Ирине Волобуевой

Гулёны и шлэндры, айда ко мне,
восьмой этаж почти на луне,
я здесь...
гуляю головой в окне
одна в целом свете,
а свет мой погас,

и своры слепней набросились враз
на глаз-алмаз и на глаз-хризопраз.

Но кто же
болящую музу с клюкой
подхватит, поддержит надёжной строкой
и прямо до неба,
до ближнего неба
проводит в приёмный покой?

4.

Памяти Татьяны Бек

Твоя брошка с небьющимся уже сердоликом,
с ущербной луной на тусклой латуни —
мой остров сокровищ,
не меньше ладони,
где можно было бы стать человеком,
или сестрой, или товаркой по цеху
с дудочкой вольнонаёмной музыки,
разводящей насмерть, навзрыд, на потеху
и писательские, и дружеские союзы.

Какая мёртвая прописалась в Москве тишина,
короче *Вечная память*,
и голос до дрожи тонок.

Вот и весь человек,
и его Богом избранная страна,
где ты никому не мать и не жена,
а только — баба, поэт,
только — крупный поздний ребёнок.

5.

Ирине Муравьевой

Первомайские листья, витрины и флаги,
улица III Интернационала.
У всех на виду — чуть было не проморгала —
неземная, в облаке из бумаги,
потешно изобразив объятая,
в пустом советском универмаге
гольшом, но в капроновом платье
таращилась кукла-моргалка,
на руке наколка: *импорт, КАТЯ*
(сразу видно, не Ирка, не Галка).

Без этой цацы, бестии, крали
как мы росли и во что играли,
пацанки дворовые,
барышни городские?

И дочки-матери мы — никакие.

* * *

Я помню стать сарьяновской собаки,
качаловского Джима при луне,
Каштанку и Арто — как цирковых — во фраке,
Муму — на дне.

На голубом глазу поверю сразу —
дворняга Павлова,
терьер Карандаша,
ищейки, пастухи и водолазы —
бессмертна ваша зверская душа.

Собачье отродье,
сучьи дети,
за озверелость сердца и ума
бегите нас, холодных, как зима,
бродячих, бешеных, бездомных на планете,
на той, что Шариком звалась сама.

* * *

Как маленькие дети, в жестокой правоте
слова любви и смерти мы шепчем в темноте.
Всё реже в сердце залпы, а в воздухе — восторг.
Всё к смерти клонит запад, и лишь к любви — восток.

От косточки до праха вздохнёт и вздрогнет твердь.
Ни отзвука. Ни страха. Одно — любовь и смерть.

* * *

Где ты,
мой мальчик Мотл?
В колтуне колких от звёзд вётл
ищешь Бога,
как близкого друга,
бреднем шарить в закромах Буга,
жадно жаришь с загаром бычки
и, пока не слепит глаза выюга,
изобретаешь солнечные очки...

Как ты от меня недалёк,
мой маленький Мотл, мотылёк!
Горек нектар?
Власть на ус мотаешь,
перелетаешь,
воздух тоской латаешь.
И такая взмахов твоих широта,
что спутаны в сердце координаты:
и пятый пункт,
и калитка в пенаты,
и смех — мимо глаз,
и слеза — мимо рта:

«Мне хорошо, я — сирота!»

* * *

...когда дети, перестав прятать глаза,
ввалятся, как на именины,
с икрой, цветами и фруктами
(живой натюрморт малых голландцев)
и накроют тебя и твою больничную одиночку
волной стерилизованного мажора,
когда они,
вдруг никуда не спеша,
начнут ловко блазнить
наклёвывающимся летом
или бросятся расходовать налево-направо
дорогие учётные поцелуи,
как обезболивающее последнего поколения,
стиснув при этом твою вяленую руку,
а своей — рисуя воздушные мосты
в обратной к тебе перспективе
и уже в дверях зазубривая
имена предков, их жён и побочных детей...

Значит,
луна твоя на ущербе,
а солнце вот-вот скроется из виду.

Содержание

«Быть полукровкой, не различая в себе горизонта...»	5
Мой папа — Даниель	6
К Петру и Павлу	9
«Только мама...»	10
Покупка	12
Перепёлочка	14
«Умер в 38-м...»	16
«Откуда здесь эти птицы голодные...»	18
«Клязьма, щавелевая река...»	19
Географическая номенклатура	20
Севан	21
В доме Параджанова	22
Фракия	23
«В переводе с болгарского <i>галия</i> — не имя...»	24
«Вдоль берега сна мелькнул летающей рыбой...»	26
Апрель	27
«В замшевых шортах баварских мальчишки...»	28
Москва — СПб	29
Декабрьский переулочек	30
Зимняя песня	31
Пейзаж с мешками	32
«...а сердце по природе приживалка...»	33
Ташкентские адреса	34
«Весь невозвратный выводок глаголов...»	37
Трёхголосие	38
Коктебель	41
«...клавиши Божьи в утробе органа...»	42
Из цикла «Стихи к Ревичу»	43
Сочинительницы	45
«Я помню статью сарьяновской собаки...»	51
«Как маленькие дети, в жестокой правоте...»	52
«Где ты, мой мальчик Мотл?...»	53
«...когда дети, перестав прятать глаза...»	54

Галина Климова. В своём роде.

редактор:

А. Переверзин

корректор, технический редактор:

О. Тузова

В оформлении обложки использована картина Леты Югай.

Автор фото на последней странице — Сергей Надеев.

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 15.07.2013

Формат издания 60×90 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 3,5

Тираж 500 экз.

Галина Климова — поэт, переводчик. Родилась в Москве. Окончила географо-биологический факультет МГПИ им. В. И. Ленина (1972) и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Евгения Винокурова, 1990). Автор книг стихов «До востребования» (1994), «Прямая речь» (1998), «Почерк воздуха» (2002), «Север — Юг» (2005), ещё три сборника вышли билингвой в Болгарии. Переводила болгарских, польских, сербских, китайских и армянских поэтов. Составитель антологий «Московская Муза» (1998 и 2004), русско-болгарской антологии «Из жизни райского сада» (2001).